

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ПРОГУЛКИ
ПО ЧУЖИМ НОЧАМ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии С. Курбатова

Редактор серии А. Антонова

Полянская, Алла.

П54 Прогоулки по чужим ночам : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-116001-2

Лиза с детства привыкла сама решать свои проблемы — годы в детдоме закалили ее характер, как сталь. Но когда из багажника проезжающей мимо машины прямо к ее ногам выпал связанный окровавленный мужчина, она растерялась. Сначала девушка хотела пройти мимо, но потом все же вернулась и... отвела его к себе домой. Она, конечно, понимала, что это очень опасно, ведь парня по имени Андрей явно ищут. А вскоре погиб сосед-алкоголик, нацепивший выброшенный Лизой костюм Андрея, — его застрелил профессионал. Конечно, она не поверила в случайность такого совпадения! Во что же Лиза ввязалась и как ей теперь поступить с этим парнем, который не может самостоятельно покинуть ее квартиру? И почему ей упорно кажется — он неспроста попросил о помощи именно у нее?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Copyright © PR-Prime
Company, 2020**
© Оформление.
**ООО «Издательство
«Эксмо», 2020**

ISBN 978-5-04-116001-2

Если неприятность может произойти,
она обязательно случится.

Закон Мерфи

1

У каждого человека есть нечто, что он ненавидит с особой страстью. Кто-то терпеть не может перловку, у кого-то от одной мысли о соседской шавке сводит челюсти, а кто-то мысленно изобретает страшные пытки для свекрови — и все это ведет к самосовершенствованию. Нечто подобное испытывает каждый человек. Нет идеальных людей, кроме святых, да и те повывелись. Хотя это и хорошо, похоже, им больше нет места на земле, а у любого чувства должен быть свой ареал, даже у ненависти.

Я, например, ненавижу зиму. Каждой клеточкой своего тела я одинаково ненавижу пижонский блеск снега под ярким холодным небом и благостный рождественский снегопад, превращающий город в сладенькую праздничную открытку, на которой остается только написать дежурные пожелания счастья-здоровья-денег — и выбросить. Я ненавижу зиму, у меня есть причины ее ненавидеть. А потому уже где-то в сентябре в мою душу вползает раздражение — лето прошло, до весны далеко, а зима уже вот, на носу. И ничего нельзя изменить.

Может, если бы у меня были деньги, я кочевала бы по свету вслед за летом или весной, а то и вовсе поселилась бы там, где нет такой дряни, как зима или осень. Собственно, осень — это еще куда ни шло, счастья не прибавляет, но мы с ней поддерживаем вооруженный нейтралитет. А иногда, например сегодня, вообще находимся в состоянии временного перемирия. Потому что когда в октябре начинают жечь листья, а на улице тихо и синий вечер уже поглядывает серебряным лунным ликом, бледным и зашпанным, когда солнце еще здесь — я люблю бродить вечером в тумане и запахе дыма. Говорят, дым от горящих листьев ужасно вреден, но я люблю этот запах в сыром октябрьском воздухе. Тогда я иду куда глаза глядят, и мне почти хорошо. Жизнь сама по себе вредна, так что лишний глоток дыма ничего не изменит, думаю я.

Мимо меня с хищным шелестом пролетают машины, но мне до них нет никакого дела. Мне и вовсе ни до кого и ни до чего нет дела. Ведь моими проблемами никто не интересуется! Ну вот, 0:0, ничья. Наверное, это в какой-то степени неплохо — вот так идти вдоль дороги, раз уж я оказалась в этом районе. Теперь я иду домой пешком и слушаю город, и машины мне не мешают, они тоже часть города, пусть утюжат асфальт, я не против.

Он подкатился к моим ногам, как заблудившийся мяч. Я даже не заметила, откуда он взялся — сначала даже показалось, что он рухнул прямо с неба, но эта теория скончалась в тот момент, когда я заметила, что он связан, его рот кто-то тщательно заклеил скотчем, а лица и вовсе нет — кровь и сплошной синяк. Я понимаю, что в небесной канцелярии ни с кем не церемонятся, но не до такой же степени! По крайней мере, я так думаю, хотя вполне возможно, что ошибаюсь. В данном случае этот тип, скорее всего, выпал из машины. Интересно, как ему это удалось?

Я присела рядом с ним на корточки. Я совершенно не собираюсь ему помогать, мне такая глупость и в голову не пришла. Да, у него явно есть проблемы, но каждый сам кузнец своего несчастья. Мои проблемы никто не бросается решать, почему же меня должны волновать чужие? Нелогично. Я остановилась возле него, потому что он мешает мне пройти, а любопытство заставило меня присесть рядом с ним и присмотреться.

Его одежда точно не с рынка, уж кое-что и я понимаю в этом. Дорогие шмотки непоправимо испорчены, к тому же он босой и на нем в прямом смысле слова лица нет. Только полоска скотча на синем-лиловом опухшем фоне — не слишком в тон, но это мелочи. Ладно, пора двигаться дальше, уже темнеет.

Я поднимаюсь и переступаю через парня. Здесь очень узкий тротуар. Улица застроена какими-то складами и старыми одноэтажными домами-бараками, половина из которых смотрит на меня пустыми глазницами окон без рам, остальные тоже недалеко от них ушли — квартал скоро снесут, наверное. Здесь пусто, но, думаю, кто-нибудь парня найдет — если ему повезет. Может быть, полиция, или какой-нибудь сознательный пенсионер, или просто добрый самаритянин... Но я не отношусь ни к одной из вышеперечисленных категорий и знаю, что именно произойдет вероятнее всего: пропажу быстро обнаружат и станут искать. И мне надо бежать от этого места как можно дальше.

Тихий стон не заставил меня оглянуться. Извини, парень, но я не хочу вляпаться в дерьмо, а, судя по твоему виду, ты в нем увяз по самую макушку. Мне хватает собственных проблем. Ну почему у меня нет кучи денег, я бы тогда просто уехала из этой дурацкой страны, где все изменения только к худшему, где граждане валяются на тротуарах связанные и изби-

тые, а полиция и чинуши жиреют на взятках и грабежах? Конечно, я могу развязать его и потом уйти, а он пускай сам решает свои проблемы, ага. Отлично, это идея, и остатки моей совести не будут скулить по ночам по поводу того, что я бросила человека на произвол судьбы. Да, это компромисс. Я развяжу его.

— Ладно, не стони, я возвращаюсь, черт бы тебя побрал! — Я снова подхожу к нему. — И что, другого места, чтоб упасть, не нашлось? Мог бы вывалиться немного дальше, там полицейский участок, чтоб ты знал. Не мычи, все равно я не понимаю... да, крепко тебя скрутили. Не дергайся, сейчас я маникюрные ножницы найду, по-моему, где-то они были у меня... ага, вот.

Я пытаюсь сделать все быстро, но ножницы маникюрные, а не портновские, да еще и китайские, так что дело движется медленно, но все же это лучше, чем вовсе без ничего. Ну вот, освободила ноги, теперь и руки.

— Полоску с лица отдирай сам.

Но он не может. Естественно, кто бы сомневался! У него восстанавливается кровообращение в конечностях, ему больно. Думаю, даже очень больно. Сквозь распухшие веки на меня умоляюще смотрят глаза — уже темно, он вряд ли сможет меня потом опознать, если что... Ладно, скотч я тоже сниму, пусть позовет на помощь. Один резкий рывок — и порядок.

— ... твою мать!

— Так ты еще и матерись?! Ну, ладно, счастливо оставаться. Вот, возьми телефонную карточку, позвонишь куда тебе нужно, там еще времени минут десять осталось. Адрес — вон, смотри, на доме табличка, телефонный автомат рядом. Надеюсь, он работает. Позвонишь, за тобой приедут и окончательно спасут. А мне пора.

Я готова пнуть себя, потому быстренько поднимаюсь. Я подумала об этом, но как-то вскользь, а зря.

Ведь те, кто потерял этого парня, уже обнаружили пропажу и теперь едут назад в поисках утерянного груза. Думаю, скоро они будут здесь, и тогда моя жизнь окончится сегодня, эти люди не оставят свидетеля, я бы точно не оставила.

— Пожалуйста, подождите! Я прошу вас... я совсем не могу подняться... — бормочет парень.

Черт бы тебя побрал! Нет, ни за что не вернусь, отлежится немного, оклемается... Сама не верю в это, но я ничего ему не должна.

— Еще минутку, прошу вас...

Я должна идти, бежать отсюда, иначе вляпаюсь в неприятную историю, и уж мне-то точно ни один человек не поможет.

— Что еще?

— Мне нужно где-нибудь побыть до утра, хоть несколько часов, — лепечет парень.

— Прости, но я не могу тебе помочь. Если хочешь, могу вызвать «Скорую» или полицию.

— Нет, я не... а вы? Вы где-то живете... мне только до утра, а потом я уйду...

— Нет.

— Я заплачу вам.

— Забудь об этом. Деньги для меня не дороже жизни.

— Но я даже пошевелиться не могу, а на улице холодно.

— Кровообращение скоро восстановится, до смерти ты не замерзнешь, шестнадцать градусов на улице, осень в этом году теплая. Ну, простынешь маленько, это не смертельно. Позвони домой, пускай за тобой кто-нибудь приедет. Не надо впутывать меня в свои проблемы, я и так сделала для тебя больше, чем должна, ты заметил?

— Да, и я вам благодарен, но...

— Все, пока.

Я не успеваю пройти и пары шагов, как темноту прорезает свет фар. Машина далеко, но почему-то я понимаю, что это именно та машина. Понимает это и парень на тротуаре. Убежать я не успею, спрятаться негде, сплошной ряд стен и дорога.

Я хватаю парня и тащу его к телефону. Куда подевались уютно обоссанные телефонные будки? Теперь стоят синие пластиковые навесы, и все. Ну, что же, попробую воспользоваться тем, что есть. Я расстегиваю плащ — он длинный, почти до щиколоток.

— Обхвати меня за талию и прижмись, может, под плащом не заметят, — говорю найденному.

Я вставляю телефонную карточку и беру трубку. Машина совсем рядом, а мой подопечный сжал меня так, что дышать трудно.

— Радиотакси слушает.

Фары машины хищно и бесстыдно освещают меня. Что ж, умирают один раз. От судьбы не уйдешь.

— Пожалуйста, пришлите такси на угол Стефанова и Гончарова.

— Куда вам ехать?

Машина едет медленно, слишком медленно. Вот сейчас они остановятся, выйдут, и тогда мне конец. Все-таки добрые дела — не мой профиль.

— К Дому одежды.

— Ждите, машина сейчас будет.

Свет фар отдаляется. Неужели выгорело?

— Эй, не сжимай меня так, мне больно.

— Думаешь, они вернуться?

— Не скоро.

Белая машина с красными буквами «Аргос-такси» вынырнула из тумана.

— Сделай вид, что ты пьян.

Ему для этого не нужны дополнительные усилия. Он молчит, и я тащу его в салон.

— Девушка, а ваш муж не будет блевать?

— Нет. Уже выbleвал все, что мог.

Таксист с пониманием кивает и двигается вперед. За окном мелькает ночь — фонари, витрины, реклама, чьи-то освещенные окна, за которыми чужая жизнь.

— Вот, Дом одежды.

— Пожалуйста, немного дальше, в сторону кегельбана.

— Как скажете.

Я расплачиваюсь с таксистом и тащу парня из машины. Тяжелый, черт! Он помогает мне как может, а потому мы все-таки продвигаемся вперед, к темно-му переулку, где притаились одноэтажные дореволюционные домики. В одном из них есть комната, в которой я живу. Правда, теперь это две комнаты, три дня как две. А третья... Собственно, если выйдет так, как я задумала, то скоро я перееду в более приличное место. Годика так через два. Об этом сейчас не стоит думать, ибо единственное, что в этот момент имеет значение, — как-то дотащить своего найденыша домой, не нарвавшись на соседей.

— Где мы?

— Скоро будем на месте, молчи.

— Я вам так благодарен, вы...

— Я сказала тебе — молчи! Соседи услышат! Тут как в деревне, полно старых любопытных сук, везде сующих свой нос.

Я достаю ключи и открываю общую дверь. Запах пыли и лука не улучшает мне настроение. Терпеть не могу общий коридор, но ничего не поделаешь, коммуналка есть коммуналка, а потому я быстренько открываю дверь в свою квартиру и впихиваю парня в темноту, полную храпа и вони. Значит, Сашка уже дома и дрыхнет пьяный. Это хорошо.

— Кто здесь?

— Сашка, мой сосед. Хронический алкаш, но он уже налился до свинячьего визга и спит. Давай сюда.

Я открываю железную дверь в свою комнату и укладываю отяжелевшее тело на пол. Пусть полежит, в доме тепло. Я включаю свет, закрываю жалюзи, для верности задергиваю шторы и обессиленно падаю в кресло. Ноги и руки дрожат, хочется пить, а на полу лежит незнакомый грязный мужик без лица и смотрит на меня сквозь щелочки распухших век, как собака на хозяина. Ну ладно, отдохну потом.

Я снимаю плащ и туфли, наклоняюсь к гостю. Здорово ему досталось — гематомы, ожоги, кровь...

— Потерпи немного, я вызову доктора.

— Не надо, это...

— Молчи, не то получишь еще. Недоставало только, чтоб ты тут доской накрылся. Что я буду делать с трупом? Собак я не держу...

— А при чем тут собаки?

— Если бы держала собак, проблема утилизации трупа не стояла бы столь остро. Я просто сэкономила бы на собачьих кормах.

— Я не...

— Молчи, — я набираю номер. — Вадик, ты дома? Немедленно езжай ко мне. Захвати йод и бинты.

Я кладу трубку и наклоняюсь к раненому. Надо его как-то раздеть, но можно ли его кантовать? Хотя я тянула его, он даже шел, но это мог быть просто шок... Ладно.

— Что вы делаете?!

— Собираюсь тебя изнасиловать.

Я снимаю с него пиджак и расстегиваю брюки, он пытается как-то пресечь мои действия, но силы неравные — по крайней мере в данный момент.

— Боже, какое целомудрие! Не бойся, больно не будет. Расслабься, — ухмыляюсь я.

— Вы издеваетесь?

— Именно. Издеваюсь. Потому что это ты лежишь на моем полу, а не я на твоём. Закон джунглей — право на территорию, слышал о таком?

Он молчит, и я стягиваю с него брюки. От рубашки остались одни лохмотья, а потому я с чистой совестью просто срезаю ее, отрывая прикипевшие к ранам куски ткани. Начинает течь кровь. Кто-то очень постарался, потом его одели и запихнули в машину.

— Тебя надо вымыть. Помогите мне, я сама не достащу тебя до ванной.

Но его силы, похоже, иссякли, а потому я развожу в ведре раствор марганцовки и мою его. Он молодой, крепкого телосложения. Я осторожно смываю кровь с многочисленных порезов и ожогов, покрывающих его тело, на запястьях кровоточат следы от наручников. Холодная злоба поднимается во мне. Чтобы такое сотворить, надо быть последним ублюдком. Правда, их с каждым годом становится все больше.

Я смываю кровь с распухшего лица. Что ж, дружок, все это, к сожалению, не пошло на пользу твоей внешности. Не знаю, каким ты был, но теперь, наверное, станешь хуже.

В прихожей слышен звонок. Это Рыжий, очень вовремя.

— Ты меня напугала до икоты. Не называй меня по имени, тогда я начинаю думать, что ты при смерти. Летел низко над землей, нарушая все правила дорожного движения. — Рыжий осуждающе смотрит на меня. — А ты похожа на Лиззи Борден¹, которая пару часов подряд орудовала топором. Только погляди на себя: вся в крови, вспотела, запыхалась... А это еще что?! — он кивнул на тело на полу.

¹ Лиззи Борден — учительница, в конце XIX века в приступе ярости зарубила своих отца и мачеху.

— Не знаю, — я плотно прикрываю дверь. — Но ты осмотри его, что с ним произошло?

— Ну, что с ним, видно даже невооруженным глазом. За что ты его так?

— Очень смешно.

— А то. — Рыжий улыбается. — Давай перенесем его на диван. Хорошо, что ты этого типа помыла, теперь приberi, а то похоже на пыточную.

— Ты прав.

Я тщательно смываю следы крови, снимаю свою одежду и вместе с тряпьем раненого бросаю все на пол ванной около стиральной машинки. Рыжий тем временем уже закончил осмотр.

— Ну что?

— Предварительный осмотр не выявил никаких серьезных повреждений. Сломаны два ребра, неглубокие резаные раны по всему телу, сотрясение мозга, незначительные ожоги и обширные гематомы. Сломан нос, и еще небольшой шок. Ничего такого, с чем бы мы не справились. Правда, неплохо бы сделать рентген, но это завтра, я буду дежурить в отделении и все устрою. Где ты его нашла?

— Да нигде. Он просто упал мне под ноги.

— О, несравненная! Мужики падают тебе под ноги, как кегли, и укладываются штабелями. Только почему из этих штабелей ты выбрала избитого?

— Рыжий, я тебе сейчас...

— Ничего не выйдет. Если ты меня побьешь, кто тогда будет лечить твой трофей? Крупный экземпляр, тебе всегда такие нравились.

— Клоун.

— Я знаю. Просто не в твоих правилах тащить домой все, что валяется на дороге.

— Так случилось.

— Прикрой мужика одеялом, его сейчас будет знобить, а я в аптеку за лекарствами. Может, он придет в себя — тогда дашь ему попить.

Он выходит, за окном мелькнула его фигура. Я устала и хочу спать, а завтра еще на работу. Я смотрю на часы. Черт бы побрал эту осень с ее ранними сумерками — только семь часов, а мне казалось, что уже почти ночь.

— Пить...

Я осторожно поднимаю его голову. Волосы мне удалось отмыть от крови, они влажные, но уже видно, что цвет их темно-каштановый и они немного выются.

Он пьет небольшими глотками, долго. Мне от вида его лица немного не по себе. Нет, я и раньше видела избитых людей, но чтоб **так** — только когда-то давно, и теперь всякий раз для меня это стресс.

— Здесь кто-то был или мне показалось? — спрашивает он.

— Не бойся, все в порядке. Тут был мой друг, он врач. Сейчас он вернется, пошел в аптеку.

— Что со мной?

— Он тебе все объяснит. Ничего страшного, скоро будешь как новый. А пока полежи, тебе нельзя вставать.

— А где...

— Одежду я бросила в стирку, ей хана.

— Но я...

— Мне приходилось видеть голых мужчин. У тебя нет ничего, несвойственного человеческой анатомии, а потому не стоит так переживать.

— Вы не представляете, как я вам благодарен.

— А вот и Рыжий вернулся.

Терпеть не могу всякие там «спасибо», «извините», «люблю» и прочие сопли, пустые разговоры, не стоящие того, чтобы тратить на них свое время. Потом оказывается, что слова вообще ничего не значат. Мы